

Когда У Саньшэн вернулся домой, прошло уже полмесяца.

Вернувшись, он сначала пообщался в кабинете с отцом и вторым братом, после чего сразу же направился в комнату У Се.

У Се в это время играл с У Ваном в развивающие игрушки. Хотя младший брат умел лишь нахваливать его, раз за разом повторяя: «Брат, брат, молодец», да еще и давал неуместные советы, тем не менее, братья сидели, прижавшись друг к другу, и всю веселились.

— Третий дядя, ты вернулся! — У Се очень обрадовался, увидев идущего к ним У Саньшэня.

— Ага, только что дома, — У Саньшэн вошел в комнату и подхватил на руки младшего племянника, ни капли не сомневаясь, что У Ван обязательно окажется у У Се.

— Сяо Ван, тебе нравится подарок, который принес третий дядя? Меня не было в день твоего рождения, ты скучал по мне?

У Ван устроился на руке у У Саньшэня, погладил его слегка уставшее лицо и сладко чмокнул в щеку:

— Скучал! Дядя, чмок-чмок!

Чересчур чмокнув, он тут же заерзал, пытаясь слезть вниз.

Третий дядя выглядел каким-то очень уставшим, да еще и странным.

У Саньшэн чмокнул его в ответ, и его еще не успевшая зародиться щетина заколола пухлую щечницу У Вана, заставив того залиться смешным смехом.

Опустив У Вана на пол и разувшись, У Саньшэн уселся позади него. Глядя на то, как они пытаются пройти игру в пятнашки, он усмехнулся:

— Да пройти вот тут — и дело с концом, бестолочь! Сяо Ван, а твой брат случайно не дурачок?

— Брат, молодец!

У Се потрепал младшего по круглой макушке и закатил глаза на слова третьего дяди. Эту игру в пятнашки он научился решать еще в трехлетнем возрасте, а сейчас просто сидел и развлекал братишку.

— Третий дядя, почему ты только сейчас вернулся? Где ты пропадал?

— Ишь сколько вопросов! Куда хочу, туда и хожу, перед тобой еще отчитываться? Я тебе дядя или кто? Играй давай, я посмотрю, хватит ли у тебя уровня учить брата.

У Се безмолвно уставился на У Саньшэня: опять ушел от темы!

Заметив, что У Ван с круглыми глазенками послушно сидит на коленях у третьего дяди в ожидании игры, У Се бросил попытки допытываться и решил сначала побыть с братом.

У Ван поначалу было ждал, что они снова заговорят, но раз уж брат больше не спрашивал, а вернулся к игрушкам, то и сам переключил все внимание обратно на игру.

У Саньшэн не успел толком побыть с племянниками, как ему снова понадобилось уходить. У

него еще оставались дела, о чем он бросил на ходу, направляясь к выходу. Замедлив шаг, он прошел совсем немного, как услышал за спиной догоняющий его голос У Се:

— Третий дядя, подожди меня!

Догнав собиравшегося уходить У Саньшэня, У Се ухватил его за рукав и спросил:

— Третий дядя, я в тот день всё слышал в родовом храме. Вы ведь говорили о дяде Се, да? Что с дядей Се? Ты что, ходил в клан Се?

У Саньшэн, которого так и не отпустили, тяжело вздохнул, присел на корточки и посмотрел на У Се:

— Сяо Се, твой дядя Се... он ушел.

— Ушел? Куда?

— Эх, ушел — значит скончался, его больше нет, и впредь мы его уже не увидим. Третий дядя ходил в клан Се именно на похороны.

У Саньшэн опустил руку на голову У Се, успокаивая его.

У Се замер:

— Скончался? Как такое возможно... Мы же виделись с дядей Се совсем недавно, и он был абсолютно здоров.

Тут У Се что-то вспомнил и снова спросил:

— А как же сестренка Сяохуа? Ему ведь теперь наверняка ужасно больно?

У Се, еще не познавший горечи утраты самых близких людей, толком не понимал, каково это — лишиться родного человека, и не осознавал, что Се Юйчэня в тот момент терзала не только скорбь по умершему отцу, но и бескрайние бури, ожидавшие его впереди.

У Саньшэн отвесил У Се звонкий подзатыльник:

— Ты еще помнишь свою сестренку Сяохуа? А я-то думал, тебя уже давно окрутили всякие сестренки Сяосюэ да сестренки Сяотэ из твоего класса! Хэ, не переживай, у него еще дедушка живой.

— А.

У Се потирал лоб. Вообще-то образ сестренки Сяохуа в его памяти уже начал понемногу расплываться: он помнил лишь, что тот прекрасно пел оперные партии и владел невероятно искусным искусством изменения формы костей.

А еще у третьего дяди выработалась пугающая привычка бить по лбу — с каждым разом всё ловчее, это же ужасно больно!

Боль болью, но спросить всё же стоило:

— А за что дедушка тебя ударил? Неужели дело дошло до семейного суда?

У Саньшэн сделал вид, что собирается снова трерикнуть его по лбу, и У Се поспешно спрятал голову под руки.

У Саньшэн тяжело вздохнул, опустил руку и мягко потрепал У Се по голове:

— Тебе достаточно запомнить одно: это клан У перед лицом клана Се виноват, так что впредь поменьше водись с ними...

У Се не уловил скрытого смысла слов третьего дяди: что значит «виноваты перед кланом Се»? Почему нельзя общаться с кланом Се? Он озадаченно взгляделся в глаза У Саньшэня, чувствуя, как сильно тот сейчас тоскует.

У Саньшэн смахнул слезу с глаза, поднялся на ноги, и голос его прозвучал глухо и печально:

— Ладно, всё это дела взрослых, дети к ним не причастны. Ступай обратно, последи за Сяо Ваном, нельзя, чтобы он оставался один.

У Се послушно зашагал назад и, поддавшись какому-то необъяснимому порыву, обернулся посмотреть на третьего дядю. Тот был одет в серо-белые одежды, края которых слегка заломились, шаг его был тяжелым, и даже в самом его силуэте читалось невыносимое горе.

Третий дядя так дружил с дядей Се, наверняка он убивается от горя — вон как сильно исхудал.

У Саньшэн шел прочь, стоя к У Се спиной.

А стучать У Се по лбу было вполне приятно...

Время летело птицей, стремительное, словно тонкая струйка дыма, беззвучно ускользающая сквозь пальцы, оставляя после себя лишь осколки воспоминаний да годовые кольца на древе жизни.

Десятилетний У Ван смотрел на собственное отражение в зеркале: короткие черные волосы, из-под аккуратной челки смотрят яркие круглые глаза, изящный прямой нос, розоватые губы и всё такие же пухлые щеки. Он поймал себя на мысли, что уже и не помнит, каким был прежде.

По сравнению с десятилетним У Туном из прошлой жизни, У Ван вырос выше и крепче: хрупкая, тощая фигурка уступила место соразмерному, здоровому телу, а лицо его пылало здоровьем, щеки округлились.

Здесь, в семье У из нового мира, у него были мягкий по характеру дедушка, любящая и нежная бабушка, остроумный папа, бравая и решительная мама, утонченный второй дядя, веселый и задорный третий дядя, одаренный запредельным талантом старший брат и целая рать любящих его дядей и тетей. Жизнь его действительно была прекрасна.

— На что уставился? Загляделся в зеркало и завис — собственная красота с ума свела?

У Ван опомнился и обернулся: старший брат, скрестив руки на груди, прислонился плечом к косяку, опираясь на одну ногу, вторая же была расслабленно отставлена в сторону. Шестнадцатилетний У Се выглядел стройным и подтянутым. Из-за страсти к чтению старинных фолиантов от него всегда веяло интеллигентностью. Его слегка опущенные уголки глаз придавали ему наивный вид, а на губах играла тёплая, солнечная улыбка, от которой на душе становилось легко, словно от дуновения весеннего ветерка. Он с улыбкой прислонился к косяку двери, напоминая оживлённую картину, источающую цветочный аромат.

Всё это было верно лишь до тех пор, пока он не открывал рот.

— Снова засмотрелся? Неужели был очарован красотой своего брата?

У Се нарочно протянул гласные, подойдя ближе и постучав брата по голове. Его голос, голос юноши, чья мутация только-только завершилась, еще слегка хрипел, и он по привычке старался говорить пониже, считая это невероятно привлекательным.

Получив лёгкий удар по макушке, У Ван опомнился и улыбнулся брату:

— Ну да, меня сразил наповал самый красивый в мире брат...

У Се заключил младшего брата в объятия и принялся изо всех сил трепать его за пухлые щёчки:

— Да не такой уж я и красавец~

— О чём ты только что думал? — У Се отпустил У Вана и снова ущипнул его за щеку. Ему уже десять лет, почему у него до сих пор сохранились детские пухлые щёчки? Впрочем, таким младший брат казался ещё милее.

У Ван не шевелился, пока его щеку продолжали тянуть, и пробормотал невнятно:

— Ни о чём, просто думал, подрос ли я хоть немного благодаря тренировкам наставника.

— Кхм, не стоит так спешить с ростом, ты ведь ещё совсем мал.

У Се смущённо опустил руку, но тут же принялся мять брата за обе щеки разом, заставив его губы забавно надуться, чтобы пресечь любые неприятные слова.

Наставника, о котором говорил У Ван, звали Чжоу Сяоянь. Его пригласил У Эрбай, чтобы тот обучал мальчика боевым искусствам. Когда У Вану исполнилось пять лет, он неожиданно заявил, что хочет учиться драться, и У Эрбай тут же нашёл для него подходящего учителя. Члены Клан У всегда думали, что У Ван загорелся идеей научиться боевым искусствам, насмотревшись по телевизору сериала Великий мастер Хо Юаньцзя, поэтому и наняли ему учителя, обучающего кулаку Мицзун.

У Се тоже сначала хотел учиться вместе с ним, но мастер Чжоу забраковал его, назвав безнадёжной деревяшкой, и только вздыхал: человека, столь неподходящего для боевых искусств, еще поискать надо.

У Се не смирился с этим и твердо решил заставить мастера Чжоу пожалеть о том, что тот не взял его в ученики. Он упорно подглядывал за тренировками целую неделю, после чего сдался.

Его ноги тряслись еще полмесяца.

Но У Ван был другим — он выдержал. Изначально Чжоу Сяоянь полагал, что младший брат-близнец тоже вряд ли окатится особо одаренным в боевых искусствах, однако, прощупав его кости, пришел в невероятное изумление и тут же собрался взять его своим последним учеником. У Эрбай лишь остановил его, сказав, мол, пусть сначала походит на испытательные тренировки пару дней, ведь ребенок еще мал и не факт, что сможет вынести такие тяготы.

После этого в течение недели испытательного срока Чжоу Сяоянь окружил У Вана предельной заботой и вниманием, искренне боясь, что тот сбежит, а по истечении недели благополучно

зачислил его в ученики.

Что же до того, почему У Се менялся в лице при одном упоминании мастера Чжоу, так это потому, что стоило У Вану совершить поклон и официально стать учеником, как Чжоу Сяоянь мгновенно сменил ласковое выражение лица на суровое и непреклонное. Тренировки по боевым искусствам под его началом иначе как настоящим адом на земле не назовешь, и каждый раз, когда У Ван заводил речь о мастере, У Се тут же переводил тему.

У Се пощипал мягкую кожу на его руке и мысленно с довольным видом кивнул: хотя младший брат все это время занимался боевыми искусствами, его кожа вовсе не почернела от солнца, а приобрела мягкий и естественный блеск, похожий на утреннюю дымку ранней весной — не ослепительно яркую, но и не тусклую. У Се очень гордился собой, ведь это был плод его долгих и упорных стараний. Перерыв горы древних книг и уговорив бабушку, он создал особую мазь. При нанесении на тело она под воздействием солнечных лучей полностью впитывалась в кожу, защищая её от загара и делая невероятно нежной и гладкой. У Се назвал это средство мазью Нефритовой Кожи.

Правда, для её изготовления требовались огромные деньги на покупку самых редких животных и растений. А держать У Вана постоянным запасником этой мази удавалось лишь потому, что Гао Ижуй, испробовав её на себе и придя в восторженный отпечаток, взяла все расходы на себя.

Сам же У Се посвятил себя исследованиям мази Нефритовой Кожи по одной простой причине: он вовсе не хотел каждую ночь спать в обнимку с маленьким черным угольком. Когда У Вану исполнилось два с половиной года, У Се выпросил его к себе и с тех пор они жили вместе.

У Ван потирал ушибленные за щеки щечки, не понимая, из-за чего это его брат снова принялся глупо улыбаться. Эх, на самом деле у них с братом, помимо поразительно похожих глаз, было еще одно общее свойство: они оба умели зависать и уходить в себя в любой момент.

Вдоволь наглумившись и наулыбавшись, братья вернулись в кабинет делать уроки. Старший учился в первом классе старшей школы, а младший — в четвёртом. Сидевшие бок о бок братья, между которыми была такая большая разница в возрасте, казались невероятно гармоничной парой, и в свете лампы их высокие и низкие фигуры странным образом сливались воедино.

Закончив с занятиями, У Се сначала помог младшему брату нанести мазь. Дождавшись, пока она впитается от массажа, они разошлись: У Се отправился в кабинет дедушки постигать новые премудрости — в последнее время он увлекся ремеслом создания эстампов, и У Лаогоу ежедневно уделял время, чтобы обучать его. У Ван же немного отдыхал во дворе, после чего отправлялся на тренировки по боевым искусствам к своему наставнику.

Дождавшись, пока У Се уйдет, У Ван поднялся, подошел к углу двора и позвал:

— А-Си.

К нему подбегла маленькая собачка с благородной осанкой и длинной шерстью и послушно

уселась перед ним. Это была та самая ши-тцу, которую У Лаогоу много лет назад подарил У Вану.

Когда собачке исполнилось три года, У Лаогоу лично отвел У Вана на псарню, чтобы забрать её. Спустя целых три года У Ван думал, что собака успела отвыкнуть от него и станет чураться, но стоило им войти в питомник, как щенок сам примчался к нему по запаху и впоследствии безупречно выполнял любые команды У Вана.

Стоило У Вану разрешить собаке свободную прогулку, как она тут же начинала крутиться у него под ногами, ласково и тихонько повизгивая, словно жалуясь: почему ты так долго не забирал меня?

Глядя на радостную мордашку питомца, У Ван вспомнил прочитанное братом старинное стихотворение: старый пес рад моему возвращению, крутится вокруг и тычется в полу одежды. Именно поэтому он назвал её Сигуй — Возвратившаяся на радость, а в повседневной жизни звал просто А-Си. А-Си была жизнерадостной и очаровательной девочкой.

Вообще-то на псарне у А-Си было свое собственное имя, но стоило У Вану назвать её А-Си, как она тут же забыла прежнюю кличку и отзывалась только на Сигуй и А-Си.

Работники псарни: все эти годы прекрасных воспоминаний все-таки пошли прахом!

А-Си послушно сидела перед ним, а У Ван, подхватив её на руки, махнул рукой в сторону неба. И тогда произошло нечто поистине удивительное: облако медленно опустилось вниз и зависло прямо рядом с У Ваном.

<http://bllate.org/book/21354/2170931>